

РОНАЛЬД ФРЕДЕРИК
ДЕЛДЕРФИЛД

Маршалы НАПОЛЕОНА

Рональд Делдерфилд

**Маршалы Наполеона.
Исторические портреты**

«Центрполиграф»

1962

УДК 929
ББК 94(44)

Делдерфилд Р. Ф.

Маршалы Наполеона. Исторические портреты /
Р. Ф. Делдерфилд — «Центрполиграф», 1962

ISBN 978-5-9524-5828-4

В книге рассказывается о жизни двадцати шести знаменитых полководцев, которые получили свой маршальский жезл от Наполеона. Это были люди самого разного происхождения: от аристократов до выходцев из низших слоев общества. Читатель узнает, с чего начинали эти храбрые и честолюбивые люди, как относились к власти, с чем пришли к концу жизни и как вели себя по отношению к человеку, которому были обязаны своим высоким положением. Книга поможет понять влияние Наполеона на людей его поколения и на политическую ситуацию в Европе. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 94(44)

ISBN 978-5-9524-5828-4

© Делдерфилд Р. Ф., 1962
© Центрполиграф, 1962

Содержание

Предисловие	8
Глава 1	10
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Маршалы Наполеона. Исторические портреты

Посвящается

Генералу сэру Брайану Хорроксу, кавалеру ордена «Бани» 2-й степени, кавалеру ордена Британской империи 2-й степени, кавалеру ордена «За отличную службу», почетному доктору гражданского и канонического права, радиопередачи которого так много способствовали ознакомлению неподготовленного человека с основами военного искусства

RONALD FREDERIC DELDERFIELD
NAPOLEON'S
Marshals

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2022

Предисловие

Империя Наполеона I, основанная им в декабре 1804 года, рухнула в конце июня 1814 года. За это время двадцать шесть лучших генералов Франции получили от Наполеона маршальский жезл, который, по его словам, лежал в ранце каждого рядового французской армии. Однако господство Наполеона над Францией и большей частью Западной Европы не было ограничено во времени только этими десятью годами. Его основы были заложены восемью годами ранее после вереницы одержанных им блистательных побед в Северной Италии; окончательно оно было закреплено после захвата Наполеоном власти в ноябре 1799 года в результате *coup d'état*¹, известного как брюмер. Когда Наполеон стал во главе государственной власти, люди, которых он впоследствии произведет в маршалы империи, уже находились в высоких чинах, хотя многие из них происходили из низших слоев общества и своим выдвижением были обязаны революции.

В книге рассказывается о жизни двадцати шести полководцев, державших в повиновении Европейский континент в течение почти двадцати лет. История этой эпохи написана в расчете на читателя, достаточно хорошо знакомого с последовательностью ее основных событий и с основными причастными к ним лицами, так что данная книга вовсе не ставит своей целью предложить читателю еще одну легенду Первой империи. Чтобы понять воздействие Наполеона на людей его поколения и на политическую ситуацию в Европе, закончившуюся драмой Ватерлоо, быть может, потребуется целая жизнь. Эта книга предназначена для читателя со средним уровнем подготовки, которому захочется побольше узнать об этих храбрых и честолюбивых людях, поддерживавших груз наполеоновского трона, понять, с чего они начинали, как относились к власти, с чем пришли к концу жизни, какими начальниками они были для своих подчиненных и как вели себя по отношению к человеку, который поднял их с уровня конюха или бродячего торговца и дал им в истории такое место, что их имена стали легендой при жизни.

Конечно, повествовать о маршалах Наполеона было бы совершенно невозможно, не рассказав хотя бы в краткой форме о битвах и кампаниях, в которых они участвовали в течение более двадцати лет. Однако на протяжении всей моей работы над книгой я не забывал, что читателей биографической литературы в основном интересуют личные качества конкретных лиц, а не их успехи и неудачи в войнах, происходивших за сто пятьдесят лет до взрыва в Хиросиме, сделавшего способы их ведения такими же устаревшими, как при Цезаре.

Для того чтобы успешно отслеживать изложенные в книге события, достаточно иметь перед глазами карту Европы и руководствоваться прилагаемым ниже перечнем главных действующих лиц этой исторической драмы.

Генералы, произведенные в маршалы декретом императора в 1804 году:

КЕЛЛЕРМАН, начинавший службу в регулярной армии в ранге субалтерна;

ЛЕФЕВР, начинавший службу гусаром;

ПЕРИНЬОН, начинавший службу гренадером;

СЕРЮРЬЕ, начинавший службу младшим лейтенантом;

БЕРТЬЕ, начинавший карьеру инженером и ставший профессиональным военным;

МЮРАТ, сын трактирщика, первоначально собиравшийся стать церковнослужителем;

МОНСИ, собиравшийся стать юристом;

ЖУРДАН, сын врача, бродивший по дорогам с мешком торговца вразнос;

¹ Государственный переворот (*фр.*)

МАССЕНА, начинавший юнгой, контрабандистом и торговцем фруктами, а уже впоследствии ставший офицером;

ОЖЕРО, первоначально зарабатывавший себе на жизнь в качестве лакея;

БЕРНАДОТ, сын юриста, ставший профессиональным солдатом и дослужившийся до старшего сержанта;

СУДЕТ, собиравшийся стать деревенским пекарем;

БРЮН, начавший изучать право, но всегда хотевший стать писателем;

ЛАНН, начинавший учеником красильщика;

МОРТЬЕ, полу англичанин, сын мелкого фермера;

НЕЙ, поставленный работать бочаром, но сбежавший из дому, чтобы стать гусаром;

ДАВУ, вступивший в королевскую армию в чине младшего лейтенанта;

БЕССЬЕР, поначалу работавший цирюльником.

В 1807 году Наполеон начал дополнять этот список, наметив для внесения в него нескольких заслуженных генералов. Первым к списку был добавлен:

ВИКТОР, революционно настроенный сержант королевской армии.

В 1809 году Наполеон вручил маршальские жезлы еще трем генералам. Это:

МАКДОНАЛЬД, сын шотландского эмигранта, ставший кадетом офицерского училища в возрасте двадцати двух лет;

МАРМОН, начинавший службу кадетом артиллерийского училища;

УДИНО, предполагавший унаследовать у своего отца пивоварню, но вступивший в армию с началом революции.

С 1811 года и вплоть до падения империи Наполеон ежегодно вручал жезл только одному из генералов. Ниже приводится их список:

СЮШЕ, сын владельца шелкоткацкой фабрики;

СЕН-СИР, начинавший жизнь изучением инженерного дела и прирабатывавший уроками черчения;

ПОНЯТОВСКИЙ, племянник польского князя и всю жизнь – профессиональный военный.

В течение краткого периода, закончившегося Ватерлоо, маршальский жезл получил еще один генерал. Это был

ГРУШИ, сын маркиза, записавшийся после начала революции волонтером в республиканскую армию.

Вот эти двадцать шесть героев, которым предстоит протягивать руку к коронам, ссориться, интриговать, сражаться, совершать тяжелые походы и умирать под руководством величайшего из полководцев всех времен. Они пришли из всех слоев населения: аристократии, средних и нижних классов. Общими у них были три качества: честолюбие, удивительная храбрость и тот род гордости, который или ведет человека к вершине успеха, или низводит степень его умственного развития до уровня восьмилетнего ребенка.

Глава 1

Барабаны забили

Во второй половине дня 12 июля 1789 года неподалеку от Пале-Руайяля собралась возбужденная, но не вполне уверенная в себе толпа парижан. Едва ли хоть один из тех, кто в ней находился, отдавал себе отчет в том, что же они здесь все-таки делают. Каждый был притянут сюда тем побуждением, которое движет отдельным человеком, лишь только он завидит собирающуюся толпу, и подчас доводит горожанина, наблюдающего проходящее мимо шествие, до состояния беспричинного волнения. В этом случае не было никаких процессий – просто топчущаяся на месте толпа мастеровых, лавочников и плохо одетых лиц свободных профессий, которые, видимо, были озабочены исключительно одним, а именно обсуждением недавно принятого Генеральными штатами решения: самостоятельно преобразовать себя в постоянно действующее собрание, которое не может быть распущено королем.

Очевидно, это сборище отличалось от любой другой уличной манифестации. Не было ни записных ораторов, ни флагов, ни эмблем на шляпах или лацканах; не было никаких беспорядков, из-за которых стоило бы вызывать полицию или войска парижского гарнизона. И вдруг настроение собравшихся неожиданно изменилось. Через толпу рука об руку пробирались трое молодых людей, время от времени выкрикивавших: «К оружию!» В этот же момент еще один молодой человек в довольно бедной одежде запрыгнул на стол и начал произносить перед толпой зажигательную речь. И через несколько минут площадь перед дворцом Пале-Руайяль просто закипела от возмущения. Французская революция, которая ныне считается одним из самых важных событий XVIII века, началась!

Никто не знает имен этих троих молодых людей, призывы которых побудили четвертого произнести свою речь, но имя оратора дошло до нас как имя человека, который первым начал серию революционных взрывов, которые с некоторыми интервалами будут продолжаться до наших дней.

Его звали Камиль Демулен. Это был двадцативосьмилетний адвокат и весьма остроумный и язвительный журналист. Его слов никто не записал, но их сила, заключенная в самой их сущности, была такова, что осознать ее пока не мог никто, и меньше всего он сам. Через сорок восемь часов после его выступления громадная, нависающая над Парижем крепость Бастилия, символ абсолютизма Бурбонов, была взята штурмом. Вулканы народного гнева, рычащие уже более ста лет, взорвались над этим зловонным, задыхающимся от самого себя городом. Подобно потоку лавы гнев обездоленных катился, все сметая перед собой, по государственной машине и Церкви, по королям, королевам, аристократам, священству и сотням лет привилегий.

Прежде всего привилегии! В течение многих и многих поколений продвижение по службе во всех профессиях, и прежде всего в военной среде, зависело от происхождения, и только от этого. Ни один рядовой солдат, какие бы способности или рвение он ни демонстрировал, не мог рассчитывать, что поднимется выше уровня старшего сержанта полка, да и то если выкажет глубочайшую верность престолу. Солдаты, отвечавшие за безопасность королевской особы, даже не были французами – это были швейцарские наемники. Патриотизм не стоил ничего, благородное происхождение – все.

И все это должно было измениться в течение нескольких месяцев. По всей Франции мужчины увидели открывающуюся перед ними надежду на более быстрое продвижение по службе, и никто так не был уверен в ней, никто так ей не радовался, как те, кто жил в казармах. Войска, вызванные, чтобы загнать толпы в их трущобы, соединились с революционерами. В Париж одна за одной прибывали делегации из провинций, чтобы выразить свою лояльность по

отношению к новой власти. Одна из таких депутатий играет важную роль в нашем рассказе, и ее история и станет отправной точкой для нашего повествования.

Анализируя период времени длиною более ста пятидесяти лет, можно ошибочно предположить, что французская революция поддерживалась исключительно мощью и боевой энергией парижских толп. Это не так. Эти толпы и их часто сменявшиеся вожди не играли столь уж важной роли в последовательности восстаний и переворотов, начавшейся нападением на Бастилию в июле 1789 года и закончившейся захватом власти Наполеоном за несколько недель до конца столетия. На самом деле побудительный стимул для революции был создан двумя социальными группами: недовольными монархией лицами свободных профессий, из среды которых вышло большинство политиков того периода, а также младшими офицерами и сержантами армии. Прояви вторая из этих групп лояльность к короне, революция была бы подавлена за несколько недель и Франция в течение всего XIX века вполне могла бы оставаться монархической державой. Именно присутствие в армии смелых и умных людей, настоящих мужчин, ненавидевших деспотизм и неэффективность режима Бурбонов, позволило сформироваться «пятой колонне» и дало возможность парижским идеалистам и красным превратить слова в дела, которые в конечном итоге и повергнут троны европейских монархов.

Одним из таких недовольных был некий девятнадцатилетний лейтенант из Бургундии, воинская часть которого стояла в Аррасе. Его звали Луи-Никола Даву, и он происходил из аристократического семейства, обосновавшегося в Осере. Когда в Аррас из Парижа прибыл курьер с последними новостями о падении Бастилии, никто не расспрашивал его с большим тщанием, чем Луи Даву. Этот младший офицер был серьезным молодым человеком, глубоким знатоком государственного права, хотя и несколько педантичным в своей профессии.

Насколько могут вспомнить его современники, Даву посвятил себя профессии военного, однако ко времени описываемых событий ему не удалось произвести большого впечатления на своих начальников. Его единственной отличительной особенностью была манера неряшливо одеваться и презрение к попыткам пощеголять со стороны его сотоварищей-субалтернов. Начищенная медь и напудренные парики совсем не представляли для него интереса. Совершенного полководца он представлял себе как человека, который интересуется исключительно профессиональной стороной своего дела и переходит к действию, только тщательно оценив каждый из возможных для него вариантов: стремительную атаку, упорное сопротивление и, если необходимо, отступление с боем и в полном порядке. К девятнадцати годам он заслужил репутацию несговорчивого упряма. В офицерской столовой его речи никогда не заканчивались смехом. На ухаживание за женщинами, как и на карточные игры, он не считал нужным затрачивать ни времени, ни денег. Показную сторону военной жизни он также презирал, очень многое держал про себя, не заводил друзей и не лебезил перед теми, кто мог бы продвинуть его по служебной лестнице.

Он, видимо, был самым непопулярным младшим офицером в полку, но, хотя многие и смеялись над его необщительностью и плохо завязанными галстуками, это делалось только за его спиной. Никто не осмеливался высказать эти претензии ему в лицо, поскольку в натуре Даву было нечто такое, что внушало хоть и недоброжелательное, но уважение. И когда через несколько недель после падения Бастилии этот многими не любимый молодой офицер вошел в столовую и холодно предложил послать офицерскую депутацию в Париж, чтобы заявить о лояльности Королевского Шампанского полка новому правительству, никто и не подумал арестовать его как мятежника и предателя дела короля. Офицеры выслушали все, что он собирался сказать, и затем избрали его своим представителем – честь, которую он принял, коротко кивнув.

Новости об этой пахивающей мятежом выходке вскоре просочились в сержантскую столовую, где немедленно были встречены с одобрением. В казарме сержантов был свой собственный «законовед», готовый сопровождать лейтенанта Даву в Париж, и к жесткому, лишен-

ному чувства юмора офицеру тотчас же присоединился человек, бывший ему противоположностью во всех отношениях, кроме одного – радикализма, который и удерживал их рядом друг с другом.

Представитель интересов сержантского состава был полноватым розоволицым маленьким человечком, который, бывало, восхищался звуками собственного голоса и с радостью принимал весь риск бунта взамен на значимость связанных с ним событий. Его подлинное имя звучало как Клод Перрен, но он, вероятно, считал его слишком простым и предпочитал называть себя Виктор. Его граничащее с агрессивностью осознание собственной роли уже позволило ему пройти путь от мальчишки-барабанщика до сержанта, и теперь на фоне потока новых идей, катящегося по Франции, он мог рассматривать себя как особого уполномоченного, равного в правах с поджигавшим губы Даву.

Они направлялись по дороге на Париж; Даву – в молчании и даже более задумчивым, чем обычно. Сержант же Виктор-Перрен без умолку болтал, рассказывая о том, что у него на сердце, и прикидывая, какие награды могут свалиться на голову здравомыслящих сержантов, вставших на твердую почву успешно развивающейся революции. Так они и ехали бок о бок – два будущих маршала Франции... Даже в своих самых фантастических снах они не могли представить, какую славу, какие богатства и какие различия в понимании верности уготовили им грядущие годы. Не могли они и представить, что более чем через двадцать лет славы один из них ради спасения чести пожертвует всем, а другой начнет охотиться за своими бывшими друзьями и продавать их роялистам.

Даву оказался не единственным находящимся на службе офицером, разглядевшим возможность сделать карьеру за дымом праздничных фейерверков.

По меньшей мере еще в пяти городах, где имелись гарнизоны, нашлись люди благородного происхождения, открыто вставшие на сторону революционеров, выдвигавшиеся на первые роли и заявлявшие, что служить следует Франции, а не ее жалкому королю.

Когда пала Бастилия, Франсуа Келлерману, ветерану Семилетней войны, было пятьдесят четыре года. Сын процветающего купца, он начал служить субалтерном и теперь уже был близок к пенсионному возрасту. Он был высокорослым и добродушным человеком, привыкшим и встречать и наносить удары. Кроме того, он одинаково хорошо говорил по-французски и по-немецки, поскольку происходил из Страсбура, на северо-восточной границе Франции. Келлерман не был человеком, который стал бы играть только в беспроигрышную игру, дожидаясь, пока парижские демагоги сделают ход первыми. Он с рычанием появился на политической арене, как законченный радикал, и с этого момента уже не оглядывался назад. Если бы кто-нибудь шепнул ему, что революция сделает его герцогом, он бы онемел от изумления.

В доме другого профессионального солдата можно было наблюдать свидетельство еще более глубокой преданности идее. Друзья двадцатитрехлетнего Эмманюэля Груши были потрясены, услышав, что сын маркиза не только отдался делу революции, но и ушел добровольцем в армию рядовым! А молодой Груши сделал именно это, намеренно отвернувшись от богатства и привилегий, и вскоре затерялся в рядах патриотов. Ему еще раз предстоит затеряться через двадцать шесть лет, но на этот раз с маршальским жезлом в руках и во главе 33 тысяч вооруженных солдат.

В это лето костры революции загорались в самых неожиданных местах, и пример с Груши является не столь уж удивительным, каким он мог казаться. Скоро даже самым реакционным представителям уходящего режима стало ясно, что эти выступающие перед толпой ораторы обратили в свою веру также и некоторых весьма известных лиц из привилегированных кругов и что не все из новообращенных – жители трущоб и недовольные сержанты.

Когда Серюрье услышал вести из Парижа, ему было уже сорок семь лет. Граф раздумывал над ними несколько недель – он был большим тугодумом, а затем объявил, что радикальное изменение характера власти – это прекрасная вещь для его любимой страны и его в равной мере любимой профессии. Заявив это во всеуслышание, он тем самым соединил свою судьбу с судьбой революции. Он стал солдатом в тринадцать лет и майором – через тридцать четыре года службы. Теперь продвижение было быстрее. Дивизионным генералом он станет через несколько недель.

Серюрье был типичным солдатом уходящего века: флегматичным, с не слишком развитым воображением, надежным, честным и украшенным множеством шрамов. Его решение должно было произвести большое впечатление на многие десятки колеблющихся среди младших армейских офицеров и среди тех, кто услышал о кадете-полушотландце по имени Этьен Макдональд. Хотя он и родился в Седане, ему удалось сохранить все характерные особенности своих шотландских предков. Он был суров, решителен, честен и чрезвычайно храбр. За двадцать лет до его рождения его отец сражался и совершал марши вместе с красавцем принцем Чарли, участвуя в фантастической попытке молодого претендента выхватить корону Стюартов из рук Ганноверской династии. После того как мятеж завершился поражением при Каллодене, Макдональд-старший бежал во Францию и жил там, кормясь тем единственным ремеслом, которое знал. Горячая кровь его клана с той же силой бурлила и в жилах Макдональда-младшего, и, когда народ Франции после двух с половиной веков абсолютизма наконец поднялся с колен, Этьен тотчас же заплодировал, присоединил свой жребий к жребию революционеров и вскоре был произведен в генерал-лейтенанты. Он, правда, никогда не был революционером-энтузиастом: его наследственная верность короне была для этого слишком глубока. Но он был мужчиной, который хотел иметь собственный путь, и у него, видимо, было своего рода предопределение, которое приводит на командные высоты всех шотландцев по всему миру после того, как их кланы были разбиты английским мясником Кэмберлендом в 1745–1746 годах. Макдональду предстоит еще множество битв, но его никогда не пошлют сражаться против англичан. Как-то, шутя, Наполеон заметил, что он перестанет доверять Макдональду, как только тот заслышит звуки волюнок.

Не каждый либерально мыслящий офицер смог принять быстрое решение, когда революция начала разворачиваться по всей стране. Многие талантливые люди медлили, желая полностью увериться в ситуации прежде, чем вступить на тот или на иной путь. Одним из таких людей был двадцатилетний артиллерийский офицер, только что прошедший тот же курс, что и молодой мрачноватый корсиканец, неместный акцент которого вызывал насмешки у его соучеников. Более уверенного в себе кадета звали Огюст-Фредерик Мармон; он был сыном бургундского фабриканта железных изделий. Его менее уверенного сотоварища звали Наполеон Бонапарт, хотя в то время корсиканец выговаривал и писал свое имя еще как Буонапарте.

Мармон был чрезвычайно тонким молодым человеком, с темными добрыми глазами и легкими приятными манерами, что позволило ему приобрести множество друзей. Правда, чтобы по достоинству определить цену дружбы Мармона, этим друзьям понадобился довольно большой срок. В свое время все они произведут такую оценку, и часто к своей пользе. Это, однако, не очень беспокоило Мармона – ни в то время, ни позднее. Он пережил каждого из них, доказав, видимо, тем самым, что, в конце концов, стоило играть только в игру на выживание.

Был еще один офицер, который принимал решение тоже довольно долгое время, однако в этом случае причина промедления крылась скорее в недостатке уверенности в себе, чем в естественной осторожности. Его звали Луи-Александр Бертье; когда пала Бастилия, ему было тридцать шесть лет. К этому времени он уже проявил большие способности в качестве штабного офицера и, в частности, составителя документов. Симпатии Бертье должны были быть направлены в сторону жалкого и не очень умного короля, поскольку его отец был известным военным инженером, щедро награждавшимся предыдущим монархом. Первый шанс проявить

себя представил Бертье за несколько лет до революции, когда американские колонисты подняли восстание против британского короля Георга III и повели против королевских наемников длительную войну. Франция встала на сторону колонистов, и Бертье оказался в числе добровольцев, отправившихся в Америку им на помощь. Он получил чин капитана, был отмечен наградами и, вернувшись домой, постоянно получал повышения, в конце концов дослужившись до звания генерал-майора Королевской гвардии в Версале.

Таким образом, карьера Бертье должна была бы давать ему удовлетворение во всех отношениях, если бы не один маленький дефект его натуры. Он становился безнадежно нерешительным в тех случаях, когда оказывался предоставленным самому себе, и бывал вынужден выискивать в своем окружении кого-то другого, более решительного, кому он мог бы доверяться и от кого мог бы получать указания при необходимости принятия решений. В течение первых лет революции он появляется тут и там в качестве начальника штаба, то есть на посту, для которого он был подготовлен прекраснейшим образом. Ему предстояло стать одним из самых знаменитых начальников штаба в истории. Такое мнение подчас высказывается и в наши дни, поскольку, несмотря на удивительную неуверенность в себе, Бертье обладал многими чертами характера, вполне достойными восхищения. Он был милым человеком, лояльным, стойким и щепетильно педантичным при выполнении любого дела, за которое он только ни брался. Всегда пунктуальный, он, кроме того, имел свойство появляться именно в тех местах, где в нем возникала нужда. Возможно, недостаток уверенности в себе был вызван его внешним видом: астеническое телосложение, почти урод, с маленькой головой, увенчанной копной жестких, как проволока, волос.

Изо всех сил пытаясь компенсировать свои физические недостатки, он шил себе великолепные, впечатляющие мундиры и поэтому был признан самым элегантно одевающимся офицером армии империи и законодателем военной моды. Даже если его поднимали с постели, его никто никогда не видел в одних панталонах и рубашке. Во время ночной атаки он бывал безупречно одет, свежевыбрит и при необходимости всегда готов диктовать приказы по двенадцать часов без перерыва. Его память на подробности была феноменальной. В любой момент он мог назвать численность и указать дислокацию любой воинской части армии. Когда до него дошли вести о революции, первоначально он не предпринял шагов ни в том, ни в другом направлении. Он просто ждал, когда появится плечо, на которое можно будет опереться, и, когда оно появилось, он следовал за ним в течение двадцати лет. Когда же оно ушло, то шок для Бертье был настолько велик, что это привело к его смерти.

Пока, наверно, хватит говорить об офицерах, каждый из которых достигнет величия и славы в ближайшие десять лет. А как же обстояли дела у рядовых, глотавших сухари и проводивших ночи в мрачных казармах армии Бурбонов?

Таких было девять человек, и не пройдет и десяти лет, как имя каждого из них прогремит по всей Европе и Ближнему Востоку.

Франсуа Лефевр был высоким, грубоватым и вместе с тем добросердечным эльзасцем, которому к моменту штурма Бастилии исполнилось тридцать четыре года. Прослужив к тому времени пятнадцать лет в рядовых, он только что стал старшим сержантом. Сын мельника, который когда-то служил в гусарах, Франсуа вступил в гвардию в восемнадцать лет. По характеру он чем-то был схож с офицером Келлерманом. Открытый, словно вросший в землю, коренастый, мастер соленого казарменного юмора, он воплощал собой тип старшего сержанта, который может, например, отпустить дружелюбную шутку в адрес неуклюжего рекрута с тем, чтобы подбодрить новичка и заслужить смех рядовых. Унтер-офицеры типа Лефевра встречаются в любой армии, и их любят люди, за обучение которых им платят. Он не долго ломал себе голову, узнав о парижских событиях. Он просто обнял революцию своими огромными волосатыми ручищами и вскоре тоже начал подниматься по служебной лестнице.

Гренадер Доминик Периньон был такой же, как Лефевр, хотя и менее колоритной фигурой. Достигнув к моменту начала революции возраста тридцати пяти лет, он следил за парижскими событиями с самым пристальным интересом, поскольку предполагал добиться успехов на политической сцене. Отчаявшись добиться продвижения по армейской линии, он отдался всем сердцем политике, став депутатом Законодательного собрания, однако ему явно не хватало тонкости в схватках с адвокатами и коммерсантами, вследствие чего он снова вернулся в армию, день и ночь муштруя своих энтузиастов-рекрутов, чтобы придать им форму, которая позволила бы им штурмовать троны Европы.

С большим вниманием к текущим событиям приглядывался и еще один старший сержант, которого звали Шарль Бернадот, человек очень отличающийся и от ругателя Лефевра и от серьезного Периньона. Он был гасконцем, родился в Беарне и имел шведских предков. Высокий, красивый, с большим римским носом, он выглядел весьма импозантно и обладал высоким интеллектом. Никто и никогда, в сущности, не давал глубокой оценки личности Бернадота, хотя о его странном, причудливом характере существует множество противоречивых мнений. Большинство равных ему по званию ненавидело его, маршалы же не слишком его жаловали, считая честолюбцем, приспособленцем сомнительных дарований, человеком, который ожидает исхода событий, сидя, так сказать, на заборе. Порой он вел себя как истинный гасконец: горлопан, задавала и записной вояка. Иногда же он проявлял себя самым добропорядочным, самым спокойным и самым разумным офицером, который когда-либо застегивал на себе португез. Похоже, он подстраивал свой характер под изменяющиеся обстоятельства или под натуру того человека, с которым в данный момент имел дело. Нет, он не был лгуном и никогда не был целиком вероломным. Действительно, ему каким-то образом всегда удавалось оправдывать свой образ действий, поступки, которые, соверши их кто-либо другой, выглядели бы из ряда вон выходящими. Возможно, он просто пытался управлять своей судьбой. Если так, то это ему блистательно удалось, поскольку на день падения Бастилии Бернадот был всего лишь старшим сержантом, а когда революционных криков уже давно не было слышно, он стал наследником шведского престола.

А во Франции, жаждавшей броситься в неразбериху революционных событий, жил еще один профессиональный солдат, быть может, самый колоритный из них всех, и такой, который уже прошел большинство ступеней военной карьеры. Его звали Пьер Ожеро, и в молодости его наверняка можно было бы заметить в любой стычке, происходившей в округе. Он не был гасконцем, но вел себя как один из них. Ростом шести футов, он был силен, как бык, и неподатлив, как дубленая кожа. К тому же он был одним из лучших фехтовальщиков Европы. Сын парижского каменотеса, женившегося на немке – торговке фруктами, Ожеро вырос в самом бандитском округе Парижа и свои первые деньги зарабатывал в качестве лакея. Его уволили за соблазнение горничной. После этого он устроился официантом и был снова уволен – за соблазнение официантки. Не то чтобы он был неисправимым бабником – просто ему нравилось жить в условиях постоянной опасности. Вскоре он, видимо, начал думать, что найти такую жизнь ему будет легче, если он перестанет быть гражданским лицом. Примерно в восемнадцать лет Ожеро поступает в кавалерию и после неудачного начала, кажется, становится заметной фигурой, прославившей себя среди рядовых как превосходный фехтовальщик, быстро расправившийся с двумя известными дуэлянтами, которых он уложил наповал. Однако вскоре после этого у него случилась серьезная неприятность. Какой-то молодой офицер ударил его тростью; офицер даже не успел вызвать свой эскорт, как шпага Ожеро пронзила его насквозь. Ожеро пришлось бежать в Швейцарию, где он некоторое время зарабатывал на жизнь, торгуя часами. А затем он перевозит свой ранец в Константинополь и даже еще дальше – в Одессу, где, к его облегчению, шла, по его мнению, первоклассная война. Там он вступает в русскую армию в чине сержанта. Однако однажды он приканчивает русского солдата, и ему приходится удирать в Пруссию, где он вступает в прославленную армию Фридриха Великого. Здесь он мог бы сде-

лать себе карьеру, однако в Пруссии существовало сильное предубеждение против иностранцев, и поэтому его продвижению по службе чинили препятствия, так что в конце концов ему пришлось дезертировать из армии и бежать на запад.

Дезертирство из прусской армии было чревато большими опасностями. Прусским крестьянам, отлавливавшим дезертиров, выплачивалось за это приличное вознаграждение; дезертиров же расстреливали. Однако такого рода риск едва ли мог остановить шестифутового детину, на счету которого уже были два знаменитых дуэлянта, один офицер гвардии короля Франции и какое-то количество турок, убитых во время русской кампании. Ожеро собрал маленькую армию сорвиголов и пробился с ними к границе. Таким образом, пруссаки потеряли одного из лучших солдат, которых они только могли заполучить, а заодно и еще около сорока отличных рубак.

Однако на этом приключения Ожеро только начинались. Несмотря на свое мощное телосложение, он был великолепным танцором и некоторое время добывал себе в Саксонии пропитание уроками танцев. Можно полагать, что он научился хорошо владеть ногами, еще будучи фехтовальщиком-дуэлянтом. Так или иначе, он пользовался у дам большим успехом, пока уроки танцев не прискучили ему и он не переехал в Афины, где серьезно влюбился в некую прелестную гречанку, вместе с которой они решили перебраться во Францию. Ожеро прослышал, что на его родине происходит отличная драчка, и ему не хотелось упустить возможность поучаствовать в ней. Однако на пути во Францию его подстерегала беда. Путешествуя на лодке, он и его жена попадают в Лиссабон, где его принимают за потенциального революционера и передают в руки всемогущей инквизиции. Это приключение могло бы стать для него последним, но судьба снова улыбнулась ему. Очаровательная супруга Ожеро уговорила отважного капитана одного французского торгового судна помочь ее мужу. Тот, со своей стороны, заявил португальским властям, что, если они не передадут ему пленника немедленно, он лично объявит войну их провинции от имени Франции, и с триумфом вернулся во Францию вместе с будущим маршалом. Слухи оправдались. Во Франции продолжали происходить тяжелые бои, и Ожеро с радостью бросился в один из них, став в итоге дивизионным генералом, причем практически сразу.

Пьер Ожеро пробовал себя и в некоторых гражданских специальностях. Интересно, что во Франции тогда жил еще один молодой солдат, интересы которого также были направлены на одну из таких специальностей, точнее, на профессию пекаря. Никола Жан де Дье Сульт происходил из почтенной крестьянской семьи, жившей в деревне Сен-Аман-де-Бастид близ Альби. Еще юношей он поступил в пехоту и дослужился до звания сержанта, но непосредственно перед революцией у него неожиданно появилось горячее желание стать деревенским пекарем. Неясно, было ли это устремление вызвано недостатком перспектив на продвижение в королевской армии или же следствием детской радости оттого, что, раскатывая тесто, ему можно придавать самые причудливые формы, однако настоятельная необходимость смены профессии была налицо. В последующие годы Никола будет проявлять довольно странные амбиции и пускаться во все тяжкие, чтобы их удовлетворить, но на сей раз он внял возражениям со стороны семьи и вернулся в армию. В тот момент, когда открылись перспективы для многообещающих молодых людей, Сульт быстро вырвался вперед, и вскоре его начали считать превосходным тактиком. Он был хладнокровным, рассудительным человеком, вполне способным контролировать свое настроение. От природы у него был хороший вкус; со временем ему стали нравиться красивые вещи, мебель, прекрасные картины, драгоценности и в особенности короны, если их можно будет приобрести в обмен на какие-нибудь пустяки. Но все это – еще далеко впереди. В первые же дни революции он был озабочен тем, как обеспечить хорошее о себе мнение со стороны своих начальников.

Бернадота, Ожеро, Сульта и даже тугодума Лефевра и методичного Периньона до некоторой степени подстегивали их личные амбиции, а вот еще один рядовой, сын юриста из Безан-

сона, носивший впечатляющее имя Бон Адриен Жанно де Монси, вообще не имел никаких личных амбиций, за исключением, пожалуй, стремления к тому, чтобы ему было позволено спокойно служить в армии, одинаково равно относясь и к офицерам и к рядовым.

Из всех наполеоновских маршалов Монси, видимо, был единственным, кто мог производить на императора впечатление величием своей души. Он был красивым, скромным, спокойным человеком, который, кстати, вполне радовался своей военной карьере как альтернативе изучению права. Еще юнцом он трижды убежал из дома, чтобы вступить в армию; его дважды приводили домой и засаживали за учебники. После третьей попытки борьба была прекращена и ему было разрешено остаться служить в жандармерии. Когда разразилась революция, демократичность Монси склонила его на сторону республиканцев, и он начал быстро идти вверх по служебной лестнице. Хотя будущее сулило ему здоровье, почести, герцогский титул и несколько неумело проведенных кампаний, потомство будет вспоминать его не за это, а за одно-единственное письмо, о котором будет рассказано в конце этой книги. Для понимания его человеческой сущности это письмо даст больше, чем целая биография.

Любопытно, сколько же людей, впоследствии вошедших в окружение Наполеона, убегали мальчишками из дома, чтобы попасть в армию, и сколько же времени, хлопот и средств затратили их раздосадованные родители, пытаясь вернуть их к нормальной гражданской жизни. Отец Монси, юрист по профессии, выкупал сына дважды. Родители Никола Удино пытались решить эту проблему иначе, играя на добрых чувствах сына к родителям и рассказывая ему о том, сколь многое он оставит дома, так убедительно, что тот, правда, неохотно, но все-таки отказался от службы в пехоте Медока² и вернулся домой, чтобы начать собственное дело в Нанси. От мучительной скуки его спасла революция. В родном городке Удино, Бар-ле-Дюке, где его отец был весьма уважаемым пивоваром, а дядя – мэром, новости, пришедшие из Парижа, побудили местный гарнизон выступить с декларацией в пользу революции. В гарнизоне среди офицеров или унтер-офицерского состава, вероятно, были люди, охотно занявшие бы должность начальника гарнизона, однако получить ее у них не было никаких шансов. В самый день падения Бастилии начальником мятежного гарнизона был избран рядовой Никола-Шарль Удино, двадцати двух лет от роду. Через тринадцать дней службы он вполне оправдал доверие своих друзей, в одиночку ворвавшись на коне в самую гущу толпы и остановив вспышку насилия, которая привела бы к самосуду над местным богатеем. Из этого инцидента он вышел невредимым – случай для Удино совершенно невероятный. Ведь за двадцать пять лет службы в войсках сын пивовара был ранен тридцать четыре раза.

Следует представить еще одного рядового из числа находящихся на действительной службе – самого знаменитого наполеоновского маршала, который был столь же импульсивен, как Ожеро, столь же упорен, как Даву, и храбрее, чем любой из когда-либо живших на земле полководцев.

На день падения Бастилии Мишелю Нею исполнилось двадцать лет, и за его спиной было уже два года службы в гусарах. Как только ему стало понятно, что ни рождение, ни высокородные предки, ни наличие влиятельных связей уже не являются критериями при продвижении по службе, он решил целиком и полностью посвятить свою жизнь армии. Однако, в отличие от многих, он не придавал первостепенного значения размерам оклада, привилегиям или же титулам, поместьям, знакам отличия. Все эти вещи не значили для него ровно ничего, хотя он был беден и горд, как Люцифер. Он мыслил только о славе, точнее, о той ее разновидности, которую уже не в состоянии была дать современная ему война, – о славе, которой награждает себя мальчик в собственных снах, сокрытых даже от его ближайших друзей. Нет, вероятно, был бы согласен всю жизнь прожить на жалованье рядового, лишь бы его прославляли как человека, выигравшего для Франции не одну битву, а общество знало бы как военачальника,

² Медок – историческая область на юго-западе Франции. (Примеч. перев.)

идущего в бой на десять шагов впереди самого быстрого из его солдат. Бесстрашный, горячий, резко реагирующий на обиду, но столь же быстро прощающий все, кроме оскорблений, задевающих честь, Мишель Ней – это квинтэссенция всего того, что составляет легенду о Наполеоне. Когда через двадцать шесть лет он умирал одним декабрьским утром спиной к стене, с ним умирал дух Империи, и люди, которые, звеня саблями, пролетели пол-Европы вслед за одним склонным к полноте неутомимым корсиканским авантюристом, переходили из жизни в сагу, подобную тем, которые менестрели распевали в застланных камышом залах тысячу лет назад.

Из всех рядовых республиканской армии, которым судьба предназначила высокий ранг маршала, Ней был, видимо, самым скромным. Иоахим Мюрат, девятый и последний из рядовых, мог бы сравниться храбростью с Неем, но даже самый горячий его поклонник никогда не назвал бы Мюрата, который в плане карьеры превзошел всех своих сотоварищей, человеком скромным, способным оставаться в тени.

Сын трактирщика из Кагора, то есть из Гаскони, Мюрат обладал всеми характерными особенностями гасконца и с возрастом не отделался ни от одной из них, даже став королем. Юношей он слыл дерзким, тщеславным, отважным и крайне ненадежным. Уже став мужчиной, которому было суждено войти в историю в качестве самого знаменитого со времен Руперта Рейнского командира кавалерии как рода войск, он сохранил все эти качества до самой смерти.

С детства обреченный стать клириком, он тем не менее поломал планы своего отца, сбежав из дома в возрасте двадцати лет и записавшись в конные егеря. Это случилось за два года до революции. Когда на поле боя высылали кавалерию, Мюрат мчался вперед и рубил саблём с таким азартом, что его сотоварищи-егеря пришли к выводу, что не больше чем через год его или уже не будет в живых, или же он станет командовать полком. В облике этого красивого молодого человека было нечто такое, что производило впечатление на каждого. Его способ самовыражения был настолько самобытен, что в молодости его даже считали фиглярком, однако, когда речь заходила о том, чтобы укротить строптивую лошадь или наброситься на выстроенное к бою каре пехоты, в его облике ничего смехотворного уже не находили. Над ним можно было смеяться и называть помесью павлина и клоуна, но не восхищаться им в бою было просто нельзя. Сидя в седле так, как это дано лишь немногим мужчинам, с развевающимися угольно-черными волосами, он выглядел и вел себя так, как будто только что вылетел сюда галопом со страниц какого-нибудь рыцарского романа XIV века. В течение очень долгого времени его театральность – несмотря на привлекательную внешность и храбрость – удерживала его на вторых ролях, но когда наконец пришел его час, он взорвался подобно фейерверку. Д'Артаньян смог ввести слово «гасконада» в словарь французского языка, Мюрат же закрепил его там навсегда.

Теперь осталось рассказать о некоторых гражданских лицах и особо – еще об одном человеке. Когда парижская толпа ворвалась во внутренний двор Бастилии, восемь будущих маршалов Наполеона еще не носили военной формы. Из этих восьми только двое начали марш под барабанный бой. Далеко на Ривьере Андре Массена, тридцати одного года от роду, бывший юнга и бывший старший сержант роты Королевского итальянского полка, как раз намеревался в очередной раз выразить свое отвращение по отношению к системе, когда в город прискакали курьеры с последними новостями из Парижа. Четырнадцать напряженных лет, проведенных им на солдатской службе, этот невысокий, гениально расчетливый человек упорно копил деньги, и теперь средств у него было более чем достаточно. Новости о Бастилии не помешали ему расплатиться с долгами, и теперь он обратился к занятию, обещавшему несколько большие материальные выгоды. Андре Массена любил две, и только две вещи: деньги и красивых женщин – и именно в этой последовательности. Простой рядовой, зачастую не имевший ни гроша в кармане, он, конечно, страдал от отсутствия и тех и других, а теперь, как он предполагал,

пришло время произвести некоторые перемены в своей судьбе. Он начал торговать сушеными фруктами в Антибе, однако его магазинчик был только прикрытием. Его подлинным, основным занятием была контрабанда через франко-итальянскую границу.

С темной кожей, стройный и по итальянским стандартам привлекательный, Массена, занимаясь сбытом контрабандных товаров, вскоре начал наживать состояние. И самым главным умением в его новой карьере было его потрясающее знание человеческой природы. Оглядываясь на этот период жизни Массена, его друзья могли бы сказать, что он был не только в состоянии читать мысли своих клиентов, но и предугадывать контрмеры со стороны сборщиков налогов. Таможенники систематически оказывались с носом, и их шансы изловить хитроумного торговца фруктами были примерно такими же, как у зайца – поймать лису, выскочив из засады. Здесь, в густых лесах Савойи, бывший юнга провел три небезвыгодных для него года. Затем, опять-таки руководствуясь не вполне бескорыстными соображениями, он снова поступил на армейскую службу, но отнюдь не в чине старшего сержанта. Времена, когда столь блистательного человека можно было заставить тянуться в струнку перед аристократом-кадетом, давно миновали. Через три года службы контрабандист Массена, которого кое-кто называл «евреем Манассией»³, имел в банке приличные деньги и командовал дивизией.

Характеры тех двадцати шести генералов, которым было суждено стать маршалами Первой империи, иногда странным образом контрастировали друг с другом, но не было более резкого контраста, чем различия в натурах двух этих уже служивших в армии военных, рискнувших вновь вступить в ее ряды во время революции.

Жан Баптист Журдан был сыном врача из Лиможа, поступившим в армию в возрасте шестнадцати лет и также служившим в экспедиционном корпусе, пересекшем Атлантический океан, чтобы оказать помощь американским колонистам. После этой кампании майор Бертье получил повышение по службе, а Журдан, участвовавший в экспедиции в качестве вольнонаемного, вернувшись домой, получил в виде вознаграждения пригоршню франков, новую пару башмаков и документы об увольнении. Однако этот философски настроенный молодой человек не стал жаловаться на судьбу. Он просто влюбился в хорошенькую маленькую модистку, женился на ней и начал торговать мануфактурой.

Это, должно быть, был счастливый и взаимовыгодный брак. Мадам Журдан присматривала за лавкой, а сам Журдан бродил по дорогам от города к городу с багажом торговца вразнос за плечами. Глядя за тем, как он тратит время в переходах от ярмарки к ярмарке, рассуждая со своими провинциальными клиентами и о торговле и о политике, едва ли кто-нибудь мог предположить, что совсем скоро он станет одним из самых знаменитых полководцев Франции. Тем не менее дела обстояли именно так. Когда из Парижа пришли вести о падении Бастилии, Жан Журдан начал все меньше и меньше думать о рулонах ткани и разноцветных лентах и все больше и больше – о судьбах Франции. И наконец жажда принять участие во всей этой жуткой сумятице стала для него настолько нестерпимой, что он закрыл лавку, поцеловал на прощанье женушку и отправился на сборный пункт волонтеров департамента Верхняя Вьенна, неся на плечах поклажу, несколько отличающуюся от привычной. Через три года он станет дивизионным генералом.

Если Массена снова поступил в армию исходя из соображений личной выгоды, то Журдан сделал это из патриотических побуждений. Массена должен был считать Журдана дураком, а Журдан Массена – подлецом. Однако оба, не осознавая этого, решали как свои личные задачи, так и проблемы, относящиеся к судьбам Франции. В тот же самый исторический момент еще шесть гражданских лиц отправились в путь под грохот одних и тех же барабанов. Высоко над левым берегом Сены, там, где уличные ораторы состязались в провоцировании всякого сброда на волнения и где каждый день происходили какие-то беспорядки, в одном из домов за столом

³ Упоминается в Библии; сын Иосифа Прекрасного.

сидел и писал высокий, хорошо сложенный мужчина. У него был облик человека, который привык вести здоровую жизнь, много бывал на свежем воздухе, но теперь у него стало слишком мало времени для физических упражнений. День за днем, часто даже до глубокой ночи Гильом-Мари Брюн, двадцатилетний сын юриста из департамента Коррез, выжимал из себя эпические стихи и высокопарные эссе. И день за днем на половик у его двери сыпались отвергнутые рукописи, пока молодой человек не начал наконец скрежетать зубами от ярости и отчаяния.

В его голове не возникало ни малейшего сомнения в том, что он – литературный гений, но невозможность убедить в этом других уже начала его изматывать. Его друг Дантон посочувствовал ему и предположил, что просто-напросто устарели темы, которые предлагает читателю Брюн. Быть может, мудрее и злободневнее писать не о любви, а о войне? Потому что теперь уже стало ясно, что монархи Европы не собираются спокойно оставаться в стороне и смотреть, как один из них посажен под стражу несколькими сотнями молодых и болтливых адвокатов, которые уже успели смастерить удивительный документ под названием «Конституция».

Совет Дантона Брюн воспринял вполне серьезно, наконец разродившись брошюрой по вопросам военной тактики. Восхитившись собственным творением, он показал его некоей актрисе, которая прочла его без каких-либо комментариев. Когда же автор поинтересовался ее мнением, она ответила довольно жестко: «Ах, Брюн! Если бы сражались перьями, то вы стали бы знаменитым генералом!»

В мире полным-полно серьезных писателей, большинство которых совершенно нечувствительны к такого рода уколам, но кожа Брюна была тонкой, слишком тонкой для того, чтобы он мог быть литератором. Трясаясь от ярости, он предстал перед теперь уже широко известным Дантоном и потребовал должности в одной из волонтерских армий. Дантон согласился, и к утру поэт уже стал майором. Первое поручение Брюна состояло в том, чтобы сопровождать группу энтузиастов-республиканцев на юго-запад, и бывший поэт с радостью поехал его выполнять. Откуда же ему было знать, что он вступил на дорогу славы и вместе с тем на дорогу, на которой он в конце концов найдет гибель под ногами разъяренной толпы? Да и если бы знал, разве это могло бы испугать мужчину в двадцать с небольшим лет?

Приблизительно в то же время, когда Брюн в отчаянии отказался от создания еще одной эпической поэмы и обратил свой талант на написание военных учебников, очень огорчительной нашел жизнь еще один потенциальный поэт. Его звали Гувьон Сен-Сир. Тогда ему было двадцать пять лет. Сын дубильщика из города Туль, он, как оказалось, стал самым эксцентричным маршалом из всех. За свою короткую жизнь он успел поучиться инженерному делу, побывать преподавателем черчения и актером. Во многих отношениях он, видимо, оставался актером на протяжении всей своей жизни. Он был привлекателен внешне, обязателен в любом деле, за какое бы он ни брался, и совершенно непроницаем. В восемнадцать лет он закончил свое инженерное образование и отправился в Рим изучать искусство, но, подобно многим артистичным натурам, вскоре пал жертвой «вируса сцены» и, бросив свои занятия, попробовал себя в качестве актера. Правда, руководство театра заявило, что ему никогда актером не стать, потому что он слишком для этого робок. Однако те, кто знал Сен-Сира по общим компаниям, наверняка были бы изумлены, сочтя это заявление слишком слабым предлогом, чтобы избавиться от зачарованного блеском сцены юноши. Он вернулся в Париж как раз в революционное время, и никто не знает, при каких обстоятельствах он завербовался в армию. Благодаря своим блистательным способностям чертежника и исключительной наблюдательности он легко сумел выделиться; кроме того, в армейской жизни он находил выход для своих творческих способностей, которые мучили его на протяжении всей его юности.

В возрасте девятнадцати с небольшим лет, в тот самый день, когда комендант Бастилии был повешен на фонаре, один молодой и веселый гасконец все еще продолжал изучать ремесло красильщика в своем доме в Лектуре. Все знакомые в один голос разъясняли Жану Ланну, что

красильщик из него не выйдет никогда и ему следует приискать для себя более подходящую профессию. Он был стройным юношей небольшого роста, но физически крепким, выносливым. Обычно он мог легко рассориться и так же легко помириться со своими родителями, нанимателями и местными властями, но всем жителям Лектура этот шалопай импонировал, и каждый был рад, если тот забегал к нему поболтать или пропустить стаканчик бордо. О том, что случилось в Париже, в городе только шептались, но и этого было достаточно для того, чтобы юный Ланн, хлопнув дверью красильного барака, отправился вступать в Пиренейскую волонтерскую армию. Через год благодаря его уму, храбрости и, вероятно, значительному запасу гасконских ругательств перед ним открылась возможность быстрого продвижения по службе, но сам Ланн расхохотался бы до смерти, если бы узнал, что сейчас он закладывает основы репутации, принесшей ему пот de guerre⁴ Роланд французской армии.

В характере Ланна имела, пожалуй, всего одна негативная черта. Он поносил все английское и всю свою жизнь рассматривал англичан как надоедливых, упрямых людей, по отношению к которым совершенно невозможно держать себя пристойно. Жан Ланн мог терпимо относиться к австрийцам, пруссакам, русским и даже итальянцам, но хорошим для него мог быть только мертвый англичанин.

В то же самое время, когда ученик красильщика удрал из дома, чтобы завербоваться в армию, один молодой человек примерно того же возраста ускользнул с фермы своего отца с той же целью. Сын фермера ничего не имел против англичан хотя бы потому, что сам был наполовину англичанин и говорил на этом языке так же свободно, как и по-французски. Однако во многих других отношениях он напоминал Ланна. У него был тот же неистово-восторженный подход к жизни, то же желание вволю посмеяться, выпить вина, попеть и та же манера проводить вечера в офицерской столовой в компании друзей. Его звали Эдуард Мортье; выглядел он как преуспевающий трактирщик, его большое веселое лицо, излучающее добродушие, его тяжелые руки крестьянского парня так и тянулись шлепнуть товарища по плечу, а его губы спешили пересказать последний услышанный у костра анекдот об удравшей из монастыря девице.

У Эдуарда вовсе не было намерения тратить так нужное для доброй выпивки время на обработку земельного участка отца. Он был мужчиной, настолько же нуждавшимся в непрерывной деятельности и доброжелательной застольной компании, насколько он нуждался в пище и свежем воздухе. И все это он находил в рядах волонтеров. В течение последующих десяти лет он вознесется на небывалую высоту, правда, не так быстро, как это произошло с менее любезными людьми, с которыми ему приходилось встречаться на постое или биваках. Он тем не менее – единственный из двадцати шести, против которого в мемуарах того времени невозможно найти компрометирующих фактов. Все авторы вспоминают об Эдуарде Мортье исключительно с добрым чувством; к концу жизни его очень тепло встречают везде, куда бы он ни приезжал. Даже английские сквайры, которые еще двадцать лет будут издеваться над всем французским, назовут Мортье «безупречным джентльменом».

В коротком списке маршалов можно найти еще одного «безупречного джентльмена». Его имя – Луи-Габриель Сюше, о котором Наполеон однажды заметил: «Если бы у меня было двое солдат вроде Сюше, я бы смог удержать Испанию!» Сюше прибыл из Лиона, где его отец торговал шелком, а когда пала Бастилия, ему было только девятнадцать. Он оставил прибыльное дело и завербовался в армию. Официального признания своих неординарных способностей ему пришлось ждать долго, но когда это время пришло, оказалось, что его стоило ждать. В ряду замечательных полководцев Первой империи репутация Сюше находится, как минимум, приблизительно на той же высоте, что и у других, и гораздо выше, чем у многих.

Каждый из этих молодых людей с большей или меньшей степенью энтузиазма воспринимал новые идеи, был просто пропитан ими; а помимо этих идей будущие маршалы были

⁴ Армейское прозвище (фр.)

пронизаны любовью к славе и чувством патриотизма. Все они, даже жаднейший Массена, приветствовали те огромные перемены, которые произошли во Франции начиная с 1789 года, и каждый из них – в меру своих талантов и удачливости – полностью использовал возможности, которые эти перемены несли. В этом отношении они были похожи друг на друга, однако здесь имело место одно исключение – всего лишь один полководец из двадцати шести.

Верность можно обнаружить в самых неожиданных случаях. Английские моряки, пригнанные вербовщиками на флот, подвергаемые телесным наказаниям у пушек и сидящие на диете из гнилой свинины и объединенных долгоносиком сухарей, все-таки могли кричать «Ура!» королю, чиновники которого и низвели их до этого уровня. На любой коронации самый громкий крик ликования всегда издает человек с очень тощим кошельком, находящийся во всей этой помпезности временную компенсацию своих трудностей. Так чувствовал себя по меньшей мере один из числа будущих маршалов Франции, вежливый и сдержанный молодой цирюльник из Лангедока. Его поведение в этой кризисной точке истории, странное и донкихотское, вполне вписывается в рамки легенды о Наполеоне.

Цирюльника звали Жан Баптист Бессьер. Он был сыном хирурга, но это совсем не означает, как в наши дни, что он происходил из слоя обеспеченных профессионалов. В предреволюционной Франции профессии хирурга и цирюльника были так тесно связаны друг с другом, что составляли почти одно целое. В сущности, ничто не отличало молодого Жана Бессьера от любого другого молодого человека, усердно трудящегося в той же профессиональной области в других провинциях, и никто бы нисколько не удивился, если бы Жан отложил в сторону бритву и кисточку и отправился по пятам Ланна, этого ученика красильщика, или Мортье, мальчика, водящего упряжку с плугом, чтобы сражаться под знаменами Свободы и Равенства. Правда, Жан сделал нечто прямо противоположное: он отправился в обратном направлении и завербовался в ту из частей французской армии, которая еще оставалась верной королю! Он был направлен в Королевскую гвардию и сражался весь тот день, когда толпа парижан, введенная в заблуждение якобы новым рассветом революции, ворвалась в Тюильри, вырезала швейцарскую гвардию и напялила фригийский колпак на круглую голову короля. В этот день, 10 августа 1792 года, молодому человеку удалось спасти свою жизнь, но он сделал то, что сделал, и был очень доволен, что выполнил свой долг. А потом он плыл по течению. Мы еще кое-что услышим об этом странном молодом человеке, о том, как он, шатаясь, выбрался из дымящегося дворца и пропал в закоулках Парижа, охваченного ужасом Террора. Его верность человеку, сделавшему его маршалом, никогда не подвергалась испытаниям. Если бы это произошло, она, несомненно, прошла бы и через все юридические испытания.

За немногими исключениями люди, с которыми мы только что познакомились, родились в бедных или средних по достатку семьях. Кроме удивляющих своим радикализмом аристократов типа Серю-рье или Груши, этим молодым людям, никогда не имевшим в кармане и гроша, было что завоевывать и было что терять, если они отождествят себя с революцией. До сих пор нами было представлено двадцать пять маршалов. Остается представить еще одного. К тому времени, когда на площади Бастилии загремели первые залпы, он уже был князем и племянником короля Польши.

Его звали Понятовский, и, когда он впервые услышал о событиях во Франции, ему исполнилось двадцать шесть лет. В это время для него они мало что означали. Просто еще один мятеж черни против тирании дворцов. Однако его интерес к этим событиям усилился, когда через год или чуть позже орды французских голодранцев начали громить армии, высылаемые против них монархами Европы. Понятовский был поляк, одержимый некоей мечтой, и это была заветная мечта каждого патриота Польши. Надо было поднять восстание, освободить их любимую страну от тирании русских царей и восстановить древнее Польское королевство.

Должно было пройти шестнадцать лет, прежде чем Понятовский устремит свой взор на юг и обнаружит, что войска царя откатываются назад перед валом непобедимой кавалерии

Великой армии. Прошел еще год, и Наполеон, этот Великий Освободитель, въехал в Варшаву и влюбился в очаровательную польскую графиню. Тем временем князь ждал и размышлял, обдумывая беды отчизны и уже видя себя освободителем Восточной Европы и любимцем всей своей страны.

Итак, переключка проведена. Офицеры, старшие сержанты, рядовые, ученики ремесленников, сын фермера, пивовар, поэт, контрабандист, актер, цирюльник и князь – все они последовали за грохотом барабанов, который вывел их за пределы Франции и вел по городам и весям Европы в течение двадцати пяти лет. Восемь из них умерли насильственной смертью, большинство отступились от человека, вписавшего их имена в историю, все добились богатства и получили звучные титулы, превратившие в пустой звук их революционные принципы. Лишь немногие с честью вышли из предложенных им временем испытаний без шрамов на душах, да и на теле. Но каждый из них внес в историю самого колоритного периода в анналах военного искусства что-то свое. В течение почти двухсот лет, прошедших с той поры, когда их имена были столь же хорошо известны их современникам, как нам известны имена Эйзенхауэра, Монтьомери и Паттона, на них навешивали самые разнообразные ярлыки. Их называли бессердечными, хищными, вероломными, жадными, жестокими и т. п. Но есть лишь одно слово, которое ни один автор не дерзнул применить к кому-либо из них. Это слово – «трус».

Глава 2

Вызов на схватку

«На нас идут короли Европы. Мы же вызовем их на схватку, бросив им под ноги голову короля!»

Так ревел гигант Дантон, когда правящие дома Европы приводили в движение против Франции свои проржавевшие военные машины, а окруженная Франция не могла противопоставить паровому катку монархических режимов ничего, кроме патриотизма. Первыми выступили Австрия и Пруссия, и волна интервенции прокатилась по Бельгии по направлению к французским пограничным крепостям. С юга, из-за Пиренеев, грозили испанские Бурбоны, а через день после казни Людовика XVI на площади Плас де ла Революсьон английская триада: Ганноверская династия, сельские сквайры и городские банки – отправила свой могучий флот, чтобы очистить море от французских кораблей и установить блокаду французского побережья. А единственный друг Франции находился на расстоянии трех тысяч миль от нее – это только что родившаяся американская республика, которая едва начала нащупывать пути, ведущие к демократии.

Каждый из двадцати шести будущих маршалов империи принял участие в отражении этого широкомасштабного вторжения. Так что же это за солнце, вокруг которого этим звездам придется вращаться в течение ближайших двадцати лет?

Когда пала Бастилия, Наполеон Бонапарт находился накануне своего двадцатилетия, но влияние грандиозного события на угрюмого молодого корсиканца вовсе не было таким значительным, как это пытаются доказать националистически настроенные французские авторы. Когда развеялся дым от первых залпов канонады, его взоры не были устремлены в сторону Парижа – он глядел в сторону своей родины. Корсика была присоединена к Франции всего лишь за несколько месяцев до его рождения, и жаждущие освобождения корсиканцы вот уже двадцать лет ждали возможности изгнать захватчиков и создать собственное государство. Их любимый народом вождь Паоли находился в Англии, а юный артиллерийский офицер, получивший образование в Бриенне и Париже, уже давно решил пойти по стопам Паоли и украсить себя венцом освободителя Корсики. Когда правительство Франции оказалось свергнутым и в стране началась неразбериха, Наполеон наконец увидел шанс сыграть эту роль. Когда же большинство французов поспешило записываться в волонтеры, он попросил длительный отпуск и, повернувшись спиной к стране, давшей ему образование, отправился на Корсику. Лишь в 1793 году этот уже лишенный иллюзий двадцатичетырехлетний бунтарь снова появляется на арене истории в облике несколько запоздалого защитника Французской республики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.